

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ИЗВИЛИСТАЯ ДОРОГА — ОДНА ИЗ БЕСЧИСЛЕННЫХ ДОРОГ МИРА — ВЕДЕТ К ЭТОМУ ПОЧТИ НЕЖИЛОМУ МЕСТУ, где рядом тянутся одинокие домишки, ларек и деревцо. Тянется эта дорога из далей, которые стали прошлым, устремляется она к неизведанным далям грядущего, и юноша, пораженный чудесами мира, стоит на перепутье дорог, жадно вглядывается в прохожих, распрашивая их, желая отгадать тайны мира...

Так начинается спектакль «Сердце мое в горах» В. Сарояна в Ереванском государственном театре имени Г. Сундукяна.

Пьеса американского писателя названа им «В горах — мое сердце». Это заглавие и одной из его новелл, уже известной советским читателям. Поначалу новелла и драма совпадают почти буквально, встречаются даже одни и те же диалоги. Но рядом с буквальными совпадениями в этих двух произведениях есть отличия, не говоря уже о совершенно новом финале драмы. Разница эта — отголосок перемета в жизни, в мировосприятии писателя. Новелла вырастает в психологическую драму с трагедийным финалом, естественно подводящим зрителя к выводу о социальной неустойчивости мира, в котором живут ее герои.

И дело не только в том, что занимающие в драме центральное место поэт Бен Александр, его сыншика Джонни и престарелая мать превратились из итальянца в армяна. Это, конечно, ближе сердцу В. Сарояна, но вся суть в том, что после создания новеллы Сарояна в 1935 году впервые побывал в Советской Армении. Живая картина возрождения родины, пусть еще не до конца осознанная им как мыслителем, не могла не изменить его мироощущение.

Сейчас мы стали свидетелями новых сдвигов в мировосприятии Сарояна после его второго посещения Советской Армении в 1960 году. Теперь мы можем говорить об эволюции Сарояна 30-х годов еще более определенно.

В драме «Сердце мое в горах» В. Сароян как бы стремится увидеть людей глазами десятилетнего Джонни, условно отрывая их от тех неизанных и усложненных общественных связей, которые действуют неуловимо, жестоко и ставят людей в такие условия, которые не только не дают им выявить заложенные в них неисчерпаемые человече-

ские возможности, но и лишают элементарных средств удовлетворения жизненно необходимых потребностей. Господствующий в буржуазной действительности закон «человек человеку — волк» пирогом не признает. Он противопоставляет ему другой, гуманный, там не существующий, но желаемый: «человек человеку — человек».

Сароян как бы говорит: вот какими красивыми создает людей природа. Безгранично добры друг к другу и поэт Бен Александр, отец армянского семейства, нашедший временный приют на окраине одного из городков Калифорнии, и его десятилетний сыншика Джонни, и случайно забредший туда, сбегавший из дома для престарелых актер Мак Грегор, и бакалейщик Козак.

Все эти люди от природы добры и красивы, во все они крайне несчастны. Армянин Бен Александр (действие драмы происходит в 1914 году) вместе с матерью и сыншикой, спасаясь бегством от угрозы физического уничтожения, потерял родину. Утратили родину и шотландец Мак Грегор, и чех Козак. Все они лишены родного очага, но каждый в глубине души таит свою песню: в каждом из них скрыты способности, не выявленные в условиях, в которых оказались эти люди. И зритель чувствует, что Бен Александр — действительно талантливый поэт, который еще не нашел признания. Мак Грегор, не сумевший раскрыть перед людьми свой актерский дар, пленяет их волшебной игрой на рожке. А бакалейщик Козак, добрейший и благородный человек, рад бы раздарть всем своя товары, но ведь нужно прокормить детей...

Так в драме звучит несколько лейтмотивов — мечта о лучшей жизни, ностальгия и стремление к созданию не только красивых человеческих отношений, но и самой духовной красоты — поэзии, музыки, делающих людей лучше.

Наиболее полно отразилось это в образе Мак Грегора, роль которого была последней работой покойного Г. Нерсисяна.

Величественно было появление Нерсисяна — Мак Грегора. Играя на рожке мелодию о родных горах, утверждая мечту о лучшей жизни, его Мак Грегор с самого начала до сцены смерти был органически слит со своей лесней, был так задумчив и горяч в своей мечте, что заражал весь зрительный зал искренним волнением. От разлитого несответствия существующего и желаемого Мак Грегор оконча-

тельно теряет душевное равновесие. Будучи актером большого темперамента и эмоций, Нерсисян с такой мощью передавал разыгравшуюся в душе героя бурю, что казалось вот-вот Мак Грегор не сможет справиться с нею. В такие минуты озарялась вся трагичность судьбы старого Мак Грегора — актера по призванию, не сыгравшего в жизни ни одной роли. Перед зрителем вырастал монументальный образ человека, целиком, всем своим существом устремленного к своей заветной цели, к такой жизни, где бы нашли претворение и его талант, и его доброта, и вся его человечность.

По-иному трактует роль Мак Грегора В. Папазян. В его исполнении это уравновешенный, мудрый старец. То, что в жизни он не добился осуществления своей мечты, его не смущает. Он полон внутреннего достоинства. Он счастлив одним сознанием своей исключительной одаренности. И если реальная, действительная жизнь не смогла оценить его — тем хуже для нее. Он велет свою роль подобно Лиру, который, лишившись трона, раскрылся как титанический человек. И потому в финальной сцене драмы Мак Грегор Папазян, читающий предсмертный монолог обезумевшего Лира, потрясает. Зритель становится свидетелем величественного заката гения.

Владея мастерством перевоплощения, безукоризненной дикцией, выгрышными внешними данными, артистка В. Вардересян в роли Джонни добилась подлинного успеха. Сложный трагический узел, который раскрывает перед Джонни Мак Грегор, постепенно озаряет его детскую, рано пробуждающуюся мысль. Говорит он с отптом — и в его голосе ощущается большая сыновья любовь к нему, и вера в его талант, и желание видеть его более мужественным; встречается с бакалейщиком Козаком — и перед зрителем уже умудренный опытом, разбирающийся во многих людских слабостях человек; а в сценах со своими ровесниками — он в своей, детской стихии. Когда в конце драмы дважды звучит его реплика «где-то, что-то неправильно», перед нами уже юноша, упрямо желающий понять добро и зло мира и во многом разобравшийся.

В сложной роли Бена Александра выступает одаренный актер Б. Нерсисян. Если в игре его партнеров ощущается снятые лейтмотивы драмы, то в исполнении Б. Нерсисяна чувствуется какой-то разрыв, мешающий цельному впечатле-

нию. До середины драмы Б. Нерсисян играет чудака и даже — что вызывает особенно возражения — одержимого графомана. Он часто летушится, объявляя себя гениальным поэтом и вызывая хохот зрительного зала. С середины же спектакля он преобретается. Получив отказ печатать сборник его стихотворений Бен Александр Нерсисян вдохновенно и с подлинным пафосом выступает против душителей поэзии, жизни... И зритель горячо аплодирует актеру, заживаясь его протестом, веря в его затаенные силы. Трактовка образа в начале спектакля и в конце его не сходится. Здесь, конечно, много зависит от текста, но ведь слепое подчинение букве текста не было законом ни для одного большого актера. Сама логика развития образа требует иной акцентировки роли Бена Александра в первой части спектакля. От этого выигрывает выраженная в драме как мечта, говоря словами Сарояна, «какая-то иная мера человеческой сущности», та мера, для которой слишком узки плоские низменности и которая устремлена к вершинам родных гор, возвышающихся до небес.

До монументального символа вырастает образ матери Бена Александра в исполнении артистки А. Асрян. Трагичность судьбы армяна, оторванного от родины, сквозит не только в ее скупых словах, грустных напевах песен, но во всем облике, даже в те моменты, когда она не произносит ни единого слова.

Несколько упрощенным выглядит в спектакле бакалейщик Козак Х. Абрамян. Многие нюансы, из которых как бы соткана его роль, оставляют зрителя равнодушным. Значение образа не только в детском добродушии Козака, которое хорошо доносит Абрамян, но в каком-то глубоко трагическом подтексте роли. И суть дела не в том, что он не понимает Бена Александра (ведь в конце концов он его понял), но в том, что Козак считает себя недостойным быть другом поэта, и более того, он не удовлетворен ни самим собой, ни миром, его окружающим. Некоторая грубоватость, прямолинейность исполнения мешают актеру донести все это до зрителя.

Спектакль оформил художник А. Григорян, во всех сценических деталях мыслящий в образах, родственных драматургу. Глубоко гуманистическую сущность драмы Сарояна помогает раскрыть и музыкальное оформление А. Бабаджаняна.

Спектакль, который поставил В. Аджемян талантливо, взволнованно и глубоко, стал заметным событием в театральной жизни Армении. Первая встреча с В. Сарояном состоялась, она оказалась плодотворной.

Сарик САРЬЯН.